

УДК 371.485

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/54>

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КАЗАХСТАНЕ

©*Уласбекулы Н., Международный университет Кыргызстана, г. Бишкек, Кыргызстан*

DOMESTIC VIOLENCE AS A MAJOR FACTOR IN THE VICTIMIZATION OF MINORS IN KAZAKHSTAN

©*Ulasbekuly N., International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan*

Аннотация. Статья посвящена анализу насилия в семье как ключевого фактора виктимизации несовершеннолетних в Республике Казахстан. На основе теоретико-правового, виктимологического и социально-психологического подходов рассматриваются механизмы формирования уязвимости детей в условиях семейного неблагополучия. Особое внимание уделяется латентным формам насилия — психологическому давлению, эмоциональному пренебрежению и систематическому унижению, которые зачастую остаются вне поля зрения правоохранительных органов и социальных служб, но оказывают длительное деструктивное воздействие на личностное развитие ребёнка. Анализируются особенности казахстанской правоприменительной практики, выявляются проблемы межведомственного взаимодействия при выявлении фактов насилия и недостаточность профилактических механизмов. Обосновывается необходимость комплексного подхода к защите несовершеннолетних, включающего усиление роли образовательных учреждений, органов опеки, психологических служб и совершенствование нормативно-правовой базы в части квалификации и предупреждения семейного насилия.

Abstract. This article analyzes domestic violence as a key factor in the victimization of minors in the Republic of Kazakhstan. Drawing on theoretical, legal, victimological, and socio-psychological approaches, it examines the mechanisms that shape children's vulnerability in the context of family dysfunction. Particular attention is paid to latent forms of violence—psychological pressure, emotional neglect, and systematic humiliation—which often go unnoticed by law enforcement agencies and social services but have a long-term destructive impact on a child's personal development. The article analyzes the specifics of Kazakhstan's law enforcement practices, highlighting the challenges of interagency cooperation in identifying instances of violence and the inadequacy of preventive mechanisms. It also substantiates the need for a comprehensive approach to the protection of minors, including strengthening the role of educational institutions, guardianship authorities, and psychological services, as well as improving the legal framework for the classification and prevention of domestic violence.

Ключевые слова: насилие в семье, несовершеннолетние, виктимизация, психологическое насилие, семейное неблагополучие, защита прав ребёнка, органы опеки, профилактика насилия, правоприменительная практика, Республика Казахстан.

Keywords: domestic violence, minors, victimization, psychological violence, family dysfunction, protection of children's rights, guardianship authorities, violence prevention, law enforcement practice, Republic of Kazakhstan.

Проблема насилия в семье в отношении несовершеннолетних приобретает в Республике Казахстан устойчиво актуальный характер, выступая не только социальной и психологической, но и выраженной правовой и виктимологической проблемой. Современные исследования показывают, что именно семейная среда, призванная обеспечивать безопасность и развитие ребёнка, в ряде случаев становится пространством формирования его повышенной уязвимости и предпосылок виктимизации. Насилие в семье формирует специфические поведенческие, эмоциональные и когнитивные деформации личности ребёнка, которые впоследствии проявляются в склонности к повторной виктимизации, девиантному поведению и социальным трудностям во взрослой жизни [5, 6].

В научной литературе виктимизация несовершеннолетних традиционно рассматривается через призму преступлений против жизни и здоровья, однако современные исследования подчёркивают, что латентные формы насилия — психологическое давление, эмоциональное пренебрежение, систематическое унижение — оказывают не менее разрушительное влияние на личность ребёнка [1, 7].

При этом данные формы насилия остаются труднодоказуемыми в правоприменительной практике и зачастую не фиксируются правоохранительными и социальными органами, что усиливает скрытый характер проблемы. Казахстанский контекст характеризуется ростом латентности семейного насилия, что подтверждается исследованиями причин и факторов, способствующих его сокрытию, в том числе в отношении женщин и детей [2, 3].

Это свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов раннего выявления и межведомственного взаимодействия между органами опеки, образовательными учреждениями и правоохранительными структурами. Особое значение в этом процессе приобретает роль школы и педагогического персонала, которые зачастую первыми сталкиваются с признаками психологического неблагополучия ребёнка [8].

Исследования влияния семьи на формирование криминологических характеристик несовершеннолетних правонарушителей также подтверждают прямую связь между неблагополучной семейной средой и последующим девиантным поведением детей [4].

Таким образом, семейное насилие выступает не только фактором виктимизации, но и одной из предпосылок формирования криминогенного потенциала личности несовершеннолетнего. Современные подходы к профилактике виктимизации всё чаще связываются с комплексными социально-реабилитационными и оздоровительными программами, направленными на восстановление психологического и физического состояния детей, подвергшихся насилию [9-11].

Это подчёркивает необходимость междисциплинарного подхода к проблеме, сочетающего правовые, педагогические, психологические и социальные инструменты.

Целью настоящего исследования является анализ насилия в семье как основного фактора виктимизации несовершеннолетних в Казахстане с позиций виктимологии, правоприменительной практики и межведомственного взаимодействия. В рамках исследования предполагается выявить механизмы формирования уязвимости ребёнка в условиях семейного неблагополучия, определить проблемы выявления латентных форм насилия и обосновать направления совершенствования системы профилактики и защиты прав несовершеннолетних.

Виктимология как самостоятельное направление криминологического знания рассматривает личность жертвы не только как объект преступного посягательства, но и как субъект, чьи индивидуальные, социальные и средовые характеристики могут формировать повышенную уязвимость к насилию. В контексте несовершеннолетних виктимизация приобретает особую специфику, поскольку ребёнок в силу возрастных, психологических и

социальных особенностей не способен в полной мере противостоять деструктивному воздействию среды, в которой он находится [5, 6].

Понятие виктимизации в виктимологии трактуется как процесс формирования у индивида совокупности качеств и условий, повышающих вероятность стать жертвой насилия. Для несовершеннолетних данный процесс во многом определяется именно семейной средой, где закладываются базовые модели поведения, восприятия себя и окружающих, а также формируются механизмы реагирования на конфликтные и стрессовые ситуации. Исследователи подчёркивают, что неблагополучная семейная атмосфера способна формировать у ребёнка так называемое виктимное поведение — повышенную терпимость к агрессии, страх перед обращением за помощью, склонность к самообвинению и замкнутость [1].

Механизмы формирования уязвимости ребёнка в семье носят комплексный характер. Во-первых, это систематическое воздействие психологического давления, унижения и эмоционального пренебрежения, которые подрывают чувство собственной ценности и безопасности. Во-вторых, авторитарные и конфликтные модели воспитания формируют у ребёнка устойчивые поведенческие паттерны подчинения и страха. В-третьих, социальные факторы, такие как бедность, алкоголизация родителей, низкий уровень правовой культуры и отсутствие навыков ненасильственного взаимодействия, усиливают риски виктимизации. Данные факторы подтверждаются исследованиями, указывающими на прямую зависимость между неблагополучием в семье и последующим девиантным или виктимным поведением несовершеннолетних [4].

Семейное насилие в отношении несовершеннолетних проявляется в различных формах, каждая из которых по-своему способствует формированию виктимной уязвимости. Физическое насилие выражается в прямом причинении вреда здоровью ребёнка и чаще всего фиксируется правоохранительными органами. Однако не менее значимым является психологическое насилие, включающее систематические унижения, угрозы, игнорирование, эмоциональную холодность, которое имеет латентный характер и трудно поддаётся доказыванию в правовой практике [2].

Экономическое насилие проявляется в лишении ребёнка базовых условий существования, ограничении доступа к образованию, медицинской помощи и социальным благам. Особое место занимает пренебрежение (неглект), когда родители не выполняют своих обязанностей по уходу и воспитанию, оставляя ребёнка без необходимого внимания и поддержки. Именно данные формы насилия зачастую остаются вне поля зрения государственных органов, но оказывают длительное и глубоко деструктивное влияние на психическое и социальное развитие несовершеннолетнего [3, 8].

С позиций виктимологии семейное насилие выступает не единичным актом агрессии, а длительным процессом формирования у ребёнка устойчивой уязвимости, которая в дальнейшем может проявляться в повторной виктимизации и нарушении социальной адаптации. В условиях Республики Казахстан семейная среда остаётся ключевым пространством социализации ребёнка, однако именно в ней формируются значительные риски виктимизации несовершеннолетних. Анализ научных исследований и правоприменительной практики показывает, что большинство случаев насилия в отношении детей происходит в рамках внутрисемейных отношений, где агрессор и жертва находятся в постоянном социальном контакте и зависимости. При этом значительная часть подобных фактов носит латентный характер и не отражается в официальной статистике [3, 8].

Статистические данные, фиксируемые правоохранительными органами, отражают преимущественно случаи физического насилия и преступлений против жизни и здоровья,

тогда как психологическое давление, эмоциональное пренебрежение и систематические унижения остаются вне формализованного учёта. Это обусловлено трудностями доказывания подобных форм насилия, отсутствием чётких критериев их фиксации, а также нежеланием членов семьи выносить внутрисемейные конфликты в публичное пространство. В результате латентность проблемы существенно искажает реальное представление о масштабах виктимизации несовершеннолетних в стране. Особенности казахстанского социального контекста усиливают данную проблему. Традиционная установка на сохранение семейной целостности, высокий уровень терпимости к авторитарным моделям воспитания и низкая правовая осведомлённость родителей способствуют восприятию насильственных методов воздействия как допустимых или «воспитательных». В ряде случаев насилие в семье не воспринимается как нарушение прав ребёнка, а рассматривается как элемент дисциплины и контроля. Данная позиция подтверждается исследованиями, указывающими на культурные и социальные предпосылки латентности семейного насилия [3].

К числу ключевых факторов риска, способствующих виктимизации несовершеннолетних в семье, относятся алкоголизация родителей, бедность, постоянная конфликтность внутрисемейных отношений и авторитарный стиль воспитания. Алкогольная зависимость родителей повышает уровень агрессии и снижает контроль над поведением, что приводит к учащению случаев физического и психологического насилия. Социально-экономические трудности усиливают стресс в семье, создавая атмосферу напряжённости и нестабильности. Конфликтность и агрессивные модели взаимодействия между взрослыми членами семьи формируют для ребёнка деструктивную поведенческую среду, в которой насилие становится нормализованным явлением [4].

Авторитарное воспитание, основанное на подавлении воли ребёнка, жёстком контроле и отсутствии эмоциональной поддержки, также рассматривается как один из существенных факторов виктимизации. В таких условиях у несовершеннолетнего формируется установка на подчинение, страх перед выражением собственного мнения и неспособность обратиться за помощью, что повышает его уязвимость к различным формам насилия [5, 6].

В казахстанских условиях семья выступает не только первичной социальной средой развития ребёнка, но и доминирующим пространством формирования его виктимной уязвимости, что требует особого внимания со стороны государственных и социальных институтов. Одной из наиболее сложных и недостаточно исследованных проблем в сфере защиты прав несовершеннолетних является выявление психологического и латентного насилия в семье. В отличие от физического воздействия, оставляющего видимые следы и поддающегося медицинской фиксации, психологическое насилие проявляется в форме систематического давления, унижения, игнорирования, угроз и эмоционального пренебрежения, что затрудняет его распознавание и документирование в правоприменительной практике [2, 7].

Подобные случаи зачастую не фиксируются по нескольким причинам. Во-первых, отсутствуют чёткие нормативные критерии, позволяющие однозначно квалифицировать психологическое воздействие как форму насилия. Во-вторых, сами несовершеннолетние не осознают происходящее как нарушение своих прав, воспринимая подобное отношение как норму семейного взаимодействия. В-третьих, родители и другие члены семьи стремятся скрыть внутрисемейные конфликты, опасаясь вмешательства государственных органов. Всё это формирует высокий уровень латентности проблемы и создаёт иллюзию её относительной незначительности в статистических отчётах. Существенную роль играет и трудность доказывания психологического насилия. Для его подтверждения необходимы длительные наблюдения, экспертные психологические заключения, показания свидетелей, что на практике

реализуется крайне редко. Правоохранительные органы, как правило, реагируют на факты, имеющие признаки физического вреда, тогда как эмоциональное и психологическое давление остаётся вне их внимания из-за отсутствия доказательной базы [3].

В данных условиях ключевая роль в выявлении латентного насилия принадлежит педагогам, школьным психологам и медицинским работникам, которые ежедневно взаимодействуют с ребёнком и могут фиксировать изменения в его поведении и эмоциональном состоянии. Резкое снижение успеваемости, замкнутость, повышенная тревожность, агрессивность, страх перед взрослыми, нежелание возвращаться домой могут служить индикаторами неблагополучия в семье [7].

Медицинские работники также способны выявлять признаки пренебрежения — отсутствие должного ухода, хроническую усталость, недоедание, признаки психосоматических расстройств. Однако отсутствие выстроенного алгоритма межведомственного реагирования приводит к тому, что подобные сигналы остаются на уровне частных наблюдений и не трансформируются в системные меры защиты ребёнка. Практика показывает, что нередко именно образовательные учреждения становятся первыми, кто замечает признаки латентного насилия. Например, ребёнок систематически отказывается участвовать в школьных мероприятиях, избегает общения, демонстрирует страх при общении с родителями. В других случаях школьный психолог фиксирует устойчивую тревожность и признаки эмоционального подавления, однако не имеет юридических оснований для инициирования проверки условий проживания несовершеннолетнего. Аналогичная ситуация наблюдается и в медицинских учреждениях, когда врачи констатируют признаки пренебрежения, но не обладают инструментами межведомственного взаимодействия.

Отсутствие чётких механизмов фиксации психологического насилия, трудности его доказывания и недостаточная координация действий специалистов различных сфер приводят к тому, что значительная часть случаев виктимизации несовершеннолетних остаётся скрытой и продолжает оказывать деструктивное влияние на развитие личности ребёнка.

Правоприменительная практика в сфере защиты несовершеннолетних от семейного насилия в Казахстане демонстрирует наличие нормативных механизмов реагирования, однако их эффективность во многом зависит от согласованности действий различных субъектов — органов опеки и попечительства, полиции, образовательных учреждений и медицинских организаций. Формально система реагирования существует, однако на практике она носит фрагментарный и несогласованный характер, что особенно заметно в случаях психологического и латентного насилия.

Органы опеки и попечительства выступают ключевым звеном в защите прав ребёнка, поскольку именно они уполномочены проводить проверки условий проживания несовершеннолетних, инициировать профилактические беседы с родителями и, при необходимости, ставить семью на учёт. Однако их деятельность чаще носит реактивный характер и начинается после поступления официального сигнала, который в случаях психологического насилия поступает крайне редко.

Полиция, в свою очередь, подключается преимущественно при наличии признаков физического насилия или прямой угрозы жизни и здоровью ребёнка. При отсутствии явных телесных повреждений правоохранительные органы зачастую не видят оснований для вмешательства, что обусловлено как нормативными ограничениями, так и сложностями доказывания психологического давления.

Образовательные учреждения и школы фактически находятся ближе всего к ребёнку и способны первыми зафиксировать признаки неблагополучия. Педагоги и школьные психологи наблюдают поведение несовершеннолетнего ежедневно, однако их возможности ограничены

отсутствием чётко регламентированного алгоритма передачи информации и инициирования межведомственной проверки.

Существующие алгоритмы реагирования предполагают, что при выявлении признаков неблагополучия школа информирует органы опеки, которые, в свою очередь, проводят проверку семьи. Однако на практике данный процесс осложняется отсутствием единых критериев оценки психологического насилия и недостаточной оперативностью обмена информацией между службами. Примером может служить ситуация, когда школьный психолог фиксирует у ребёнка устойчивую тревожность, страх перед родителями и признаки эмоционального подавления. Информация передаётся администрации школы, однако без видимых доказательств физического насилия органы опеки ограничиваются профилактической беседой с родителями. Ребёнок возвращается в ту же среду, где насилие продолжается в латентной форме. Другой типичный пример связан с медицинскими учреждениями. Врач фиксирует признаки пренебрежения: хроническую усталость, недоедание, признаки психосоматических расстройств. Однако отсутствие налаженного межведомственного взаимодействия приводит к тому, что данная информация не передаётся в органы опеки или образовательные учреждения, оставаясь в рамках медицинского наблюдения [9-11].

Пробелы в координации служб проявляются в отсутствии единой информационной базы, регламентированных сроков реагирования и чётко распределённой ответственности между субъектами. В результате сигналы о возможном насилии остаются разрозненными, не формируя целостной картины неблагополучия в семье. Правоприменительная практика в Казахстане показывает, что при наличии формальных механизмов защиты прав несовершеннолетних недостаточная согласованность действий органов опеки, полиции, школ и медицинских учреждений существенно снижает эффективность выявления и предупреждения семейного насилия. Виктимизация несовершеннолетнего в условиях семейного насилия оказывает глубинное и долговременное воздействие на формирование личности ребёнка, затрагивая его эмоциональную, поведенческую и когнитивную сферы. В отличие от разовых травмирующих событий, систематическое пребывание в атмосфере психологического давления, страха и эмоционального пренебрежения формирует устойчивые деформации психики, которые проявляются как в детском возрасте, так и во взрослой жизни [5, 6].

Одними из первых проявлений виктимизации становятся повышенная тревожность, агрессивность и замкнутость. Ребёнок, находящийся в состоянии постоянного эмоционального напряжения, утрачивает чувство безопасности, демонстрирует страх перед взрослыми, избегает общения со сверстниками или, напротив, проявляет немотивированную агрессию. Подобные поведенческие реакции являются защитными механизмами, выработанными в условиях неблагополучной семейной среды. Исследования показывают, что дети, подвергающиеся насилию, чаще страдают нарушениями сна, психосоматическими расстройствами, имеют проблемы с концентрацией внимания и обучаемостью [7, 8].

В долгосрочной перспективе последствия виктимизации проявляются в нарушении социальной адаптации во взрослой жизни. У таких лиц формируются заниженная самооценка, склонность к зависимым отношениям, страх перед конфликтами и неспособность выстраивать здоровые межличностные связи. Нередко наблюдаются склонность к депрессивным состояниям, тревожным расстройствам, а также трудности профессиональной самореализации. Исследования криминологического характера подтверждают связь между неблагополучной семейной средой в детстве и последующим девиантным поведением, в том числе правонарушениями [4].

Особую опасность представляет феномен повторной виктимизации. Ребёнок, привыкший к агрессивной модели взаимодействия, во взрослом возрасте зачастую вновь оказывается в ролях жертвы, выбирая деструктивные социальные связи и партнёров, воспроизводя привычные сценарии поведения. Таким образом, насилие, пережитое в детстве, формирует устойчивый виктимный паттерн, который закрепляется на протяжении жизни [1].

Следовательно, социально-психологические последствия виктимизации несовершеннолетних выходят далеко за рамки текущего неблагополучия и формируют долгосрочные риски как для самой личности, так и для общества в целом, поскольку способствуют воспроизводству насилия и девиантных моделей поведения в последующих поколениях. Анализ виктимизации несовершеннолетних в условиях семейного насилия показывает, что существующая система защиты прав ребёнка в Казахстане требует не столько расширения отдельных мер, сколько их качественной координации и нормативного уточнения. Профилактика насилия должна носить не реактивный, а превентивный характер, ориентированный на раннее выявление рисков и формирование устойчивой межведомственной модели взаимодействия. В первую очередь необходимы нормативно-правовые изменения, направленные на конкретизацию понятий психологического насилия и пренебрежения (неглекта) в отношении несовершеннолетних. Отсутствие чётких юридических формулировок затрудняет квалификацию подобных действий и снижает возможность их фиксации в правоприменительной практике. Введение детализированных критериев оценки психологического неблагополучия ребёнка позволило бы расширить основания для вмешательства органов опеки и правоохранительных структур на ранних стадиях. Существенного усиления требует роль образовательных учреждений и школьных психологических служб. Именно школа является пространством, где ребёнок проводит значительную часть времени и где наиболее заметны изменения в его поведении и эмоциональном состоянии. Закрепление на нормативном уровне обязанности образовательных учреждений фиксировать признаки неблагополучия и передавать соответствующую информацию в органы опеки способствовало бы формированию системы раннего реагирования. При этом необходимо повышение квалификации педагогов и психологов в вопросах распознавания латентных форм насилия [12-15].

Эффективной мерой может стать внедрение алгоритма раннего выявления признаков виктимизации, включающего последовательные действия педагогов, психологов, медицинских работников и социальных служб. Такой алгоритм должен предусматривать не только фиксацию признаков неблагополучия, но и чёткий порядок передачи информации, сроки реагирования и распределение ответственности между субъектами.

Особое значение имеет совершенствование межведомственного взаимодействия. Создание единой информационной платформы для обмена данными между школами, медицинскими учреждениями, органами опеки и полицией позволило бы формировать целостную картину состояния ребёнка и условий его проживания. Это исключило бы ситуацию, когда каждый субъект фиксирует отдельные признаки неблагополучия, но они не объединяются в единую систему реагирования.

Профилактика семейного насилия в отношении несовершеннолетних в Казахстане должна базироваться на нормативной конкретизации латентных форм насилия, усилении роли образовательной среды, внедрении алгоритмов раннего выявления и формировании эффективной межведомственной координации.

Проведённый анализ показал, что семейное насилие в Республике Казахстан выступает доминирующей средой формирования виктимной уязвимости несовершеннолетних. В отличие от единичных актов агрессии, насилие в семье носит системный и длительный характер,

формируя у ребёнка устойчивые психологические и поведенческие деформации, которые в дальнейшем проявляются в социальной дезадаптации и повторной виктимизации. Особую сложность представляет латентный характер психологического насилия и пренебрежения, которые остаются вне формализованного учёта и затрудняют правоприменительное реагирование.

Выявлено, что существующие механизмы защиты прав ребёнка в Казахстане носят преимущественно реактивный характер и ориентированы на случаи физического насилия, тогда как психологическое воздействие и neglect остаются недостаточно регламентированными в нормативно-правовом поле. Недостаточная координация между органами опеки, полицией, образовательными и медицинскими учреждениями приводит к тому, что сигналы о неблагополучии не формируют единой системы раннего реагирования.

Установлено, что ключевая роль в выявлении латентного насилия принадлежит образовательной среде и психологическим службам, которые имеют возможность наблюдать поведенческие изменения ребёнка на ранних стадиях. Это обуславливает необходимость нормативного закрепления алгоритмов межведомственного взаимодействия и разработки механизмов раннего выявления признаков виктимизации.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании направлений совершенствования системы профилактики семейного насилия, включающих нормативную конкретизацию психологического насилия, усиление роли школы и психологических служб, внедрение алгоритмов раннего выявления и создание единой межведомственной информационной платформы. Реализация данных предложений позволит повысить эффективность защиты прав несовершеннолетних и снизить уровень латентной виктимизации в семейной среде.

Список литературы:

1. Ескенди́ров А. А. Фактор наси́лия в жизни несовершеннолетних // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. №2(62). С. 40-45.
2. Abdukarimova Z., Kainazarova M., Surkova S. Assessment of causes and factors contributing to increased latency of domestic violence against women in Kazakhstan // Bulletin of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series. 2024. V. 146. №1. P. 20-36.
3. Садырбекова, Г. Х. Проблема гендерного наси́лия в Казахстане и пути её решения // In the World of Science and Education. 2025. №3. С. 3-20. <https://doi.org/10.24412/3007-8946-2025-152-3-20>
4. Четина А. А., Житков А. А. Влияние семьи на развитие уголовно-правовой криминологической характеристики несовершеннолетних преступников // Защита прав детей: сотрудничество полиции и гражданского общества: материалы Международной научно-практической конференции. Костанай, 2022. С. 262-266.
5. Будкина И. С. Факторы, влияющие на виктимизацию несовершеннолетних от насильственных преступлений против жизни и здоровья // Виктимология. 2020. №1(23). С. 38-46.
6. Бабыкин П. А. Виктимологические факторы и процесс виктимизации несовершеннолетних // Аллея науки. 2019. Т. 1. №9. С. 403-412.
7. Мурзагулова М. Д. и др. Жасөспірімдерде виктимді мінез-құлықтың пайда болуына отбасының әсері // Известия. Серия: Педагогические науки. 2025. Т. 76. №1. С. 515-532. <https://doi.org/10.48371/PEDS.2025.76.1.033>

8. Филиппова К. М. Психологические особенности проявления буллинга в школах Казахстана и России. 2024.
9. Alieva M., Abdusakharova T., Tokoshov R., Makambai M. Regulation of NGO activities in the field of health and physical education: Problems and prospects // BIO Web of Conferences. EDP Sciences, 2024. V. 120. P. 01047. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001047>
10. Alieva M. A., Abdusakharova T., Tokoshov R., Makambai M. Innovative approaches to the labor rehabilitation of minors through sports and wellness programs // BIO Web of Conferences. EDP Sciences, 2024. V. 120. P. 01048. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001048>
11. Tokoshov R., Alieva M. A., Abdusakharova T., Makambai M. Legal regulation of digital platforms for recreational physical education in the Kyrgyz Republic // BIO Web of Conferences. EDP Sciences, 2024. V. 120. P. 01065. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001065>
12. World Health Organization Global status report on preventing violence against children 2020. 2020.
13. UNICEF. Violence against children in Central Asia: Analytical review. 2021.
14. UNODC. Handbook on Justice for Children. 2019.
15. Council of Europe. Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse. 2011.

References:

1. Eskendirov, A. A. (2022). Faktor nasiliya v zhizni nesovershennoletnikh. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, (2(62)), 40-45. (in Russian).
2. Abdugarimova, Z., Kainazarova, M., & Surkova, S. (2024). Assessment of causes and factors contributing to increased latency of domestic violence against women in Kazakhstan. *Bulletin of LN Gumilyov Eurasian National University Law Series*, 146(1), 20-36.
3. Sadyrbekova, G. Kh. (2025). Problema gendernogo nasiliya v Kazakhstane i puti ee resheniya. In *The World Of Science and Education*, (ЭН2), 3-20. (in Russian). <https://doi.org/10.24412/3007-8946-2025-152-3-20>
4. Chetina, A. A., & Zhitkov, A. A. (2022). Vliyanie sem'i na razvitie ugolovno-pravovoi kriminologicheskoi kharakteristiki nesovershennoletnikh prestupnikov. In *Zashchita prav detei: sotrudnichestvo politzii i grazhdanskogo obshchestva: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kostanai*, 262-266. (in Russian).
5. Budkina, I. S. (2020). Faktory, vliyayushchie na viktimizatsiyu nesovershennoletnikh ot nasil'stvennykh prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya. *Viktimologiya*, (1 (23)), 38-46. (in Russian).
6. Babykin, P. A. (2019). Viktimologicheskie faktory i protsess viktimizatsii nesovershennoletnikh. *Alleya nauki*, 1(9), 403-412. (in Russian).
7. Murzagulova, M. D., Myrzapeisova, M. T., Suleimenova, L. A., & Imanbekova, B. I. (2025). Vliyanie sem'i na formirovanie zhertvennogo povedeniya u podrostkov. *Izvestiya. Seriya: Pedagogicheskie nauki*, 76(1), 515-532, (in Russian). <https://doi.org/10.48371/PEDS.2025.76.1.033>
8. Filippova, K. M. (2024). Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya bullinga v shkolakh Kazakhstana i Rossii. (in Russian).
9. Alieva, M., Abdusakharova, T., Tokoshov, R., & Makambai, M. (2024). Regulation of NGO activities in the field of health and physical education: Problems and prospects. In *BIO Web of Conferences* (Vol. 120, p. 01047). EDP Sciences. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001047>
10. Alieva, M. A., Abdusakharova, T., Tokoshov, R., & Makambai, M. (2024). Innovative approaches to the labor rehabilitation of minors through sports and wellness programs. In *BIO Web of Conferences* (Vol. 120, p. 01048). EDP Sciences. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001048>

11. Tokoshov, R., Alieva, M. A., Abdukakharova, T., & Makambai, M. (2024). Legal regulation of digital platforms for recreational physical education in the Kyrgyz Republic. In *BIO Web of Conferences* (Vol. 120, p. 01065). EDP Sciences. <https://doi.org/10.1051/bioconf/202412001065>
12. World Health Organization (2020). Global status report on preventing violence against children 2020.
13. UNICEF (2021). Violence against children in Central Asia: Analytical review.
14. UNODC (2019). Handbook on Justice for Children.
15. Council of Europe (2011). Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse.

Поступила в редакцию
27.01.2026 г.

Принята к публикации
08.02.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Уласбекулы Н. Насилие в семье как основной фактор виктимизации несовершеннолетних в Казахстане // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №3. С. 474-483. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/54>

Cite as (APA):

Ulasbekuly, N. (2026). Domestic Violence as a Major Factor in the Victimization of Minors in Kazakhstan. *Bulletin of Science and Practice*, 12(3), 474-483. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/124/54>